

ЖИЗНЬ

...1971 год. Мы, трое ленинградских студентов, будущие артисты эстрады, приехав в Москву на каникулы, со свойственным студентам нахальством напросились в гости к известному писателю, автору многих популярных юмористических рассказов Аркадию Арканову. Именно здесь, у него в квартире на Садовом кольце, мы услышали рассказ «Сон смехача».

— Где напечатан рассказ? — спрашиваем мы.
— Он не напечатан, — отвечает Арканов.
— Почему?

Арканов смотрит на нас снисходительно и грустно. Похоже, ему жаль разбивать наши юношеские иллюзии.

— Не напечатан, — бесстрастно повторяет он. И мы понимаем, что мы чего-то не понимаем в этой жизни. Не напечатан...

Эту беседу я веду с Аркановым спустя 19 лет.
— Как произошло, что вы, такой мрачный и красивый, начали свою литературную жизнь на эстраде?

— Во-первых, я не мрачный. (Других возражений не последовало...). Многие люди, работающие в этом жанре, начинают именно с эстрады. Если в человеке есть литературное дарование, он как автор наберется здесь очень большого опыта. Почувствует фразу, почувствует иронию... Эстрада — самая первая ступень авторства. И самая первая возможность понять, можешь ты что-то в этом жанре или не можешь.

Когда я еще учился в медицинском институте, мы, студенты, участники самодеятельного драматического кружка, сочинили и сыграли капустник, который просто по частям был разобран профессиональными актерами.

Потом, когда мы начали работать с Гришей Горным, писали практически для всех ведущих актеров того времени. Милов и Новицкий, Миринова и Менакер, Шуров и Рыкунин, Деранков, Борис Владимиров... Практически мы работали со всеми. За исключением Райкина. Хотя с его стороны были предложения.

— Странно. Ведь Райкин — самая яркая личность в эстраде.

— Безусловно. Но по отношению к авторам Райкин был деспотом. Он подминал под себя автора, использовал его так, как ему было нужно. Мог взять фразу у одного, у другого — две фразы... Конечно, он имел на это право. И были люди, которые на это соглашались. А мы, может быть, по молодости, считали себя достаточно гордыми и самостоятельными и решили — или это будет целиком наше, или ничего не будет.

— Может быть, вас смущало то, что Райкин не имел обыкновения называть авторов своих монологов?

— В то время не возникало даже мысли о том, чтобы актер, исполняющий твое произведение, объявлял тебя со сцены вслух. Но могло прийти в голову нормальному человеку требовать от Аркадия Исааковича Райкина, чтобы после исполнения номера он говорил: «Я исполнил монолог такого-то». Это появилось позже. Причем, я думаю, дело тут было не только в авторском честолюбии. Вызвано это было и тем, что актеры стали мельчать.

— Но нельзя же сказать, что раньше все было Райкина. Выл Райкин и была масса других актеров, которые...

— Тем не менее это были актеры, а не пешки.

«А мы все идем, идем, идем... Меня все ведут, ведут, ведут... Все, что я вижу перед собой, — это затылок первого из четырех. Он знает, что смехачей надо казнить. Но когда-то он больше всех других смеялся над тем, что слышал от меня. Поэтому ему неудобно смотреть мне в глаза, и я вижу только его затылок. Сзади идет второй из четырех. Я считал его своим другом, но именно он указал дождь, в котором я жил. Мне противно смотреть на него, поэтому я иду, не оглядываясь. Справа и слева меня сопровождают два другие из четырех. Они не знают, надо казнить смехача или не надо. Казнить — это их честный труд. И у меня нет к ним никаких внутренних претензий. В конце концов должен же кто-то работать казначеем. Вот они и работают. И смотрят только вперед. Поэтому справа и слева от себя я вижу только по одному профилю.»

И вот мы идем, идем, идем...»
(Отрывок из рассказа А. Арканова «Сон смехача». Написан в 1965 году).

которые брали тексты и читали их с ужимками. Хуже ли, лучше ли, но актеры, пытавшиеся что-то придумывать, а не высасывали из тебя прежде всего «самострелку». Мастерства хватало, чтобы получить от зрителя аплодисменты на весомой мысли.

Каков был лидер, таково было и войско. А сейчас лидера нет. Вот Петросян на меня обижаются, когда я говорю, что Задорнов читает лучше то же самое, что «играет» Петросян «из Задорнова». И имеет успех больше. А так не должно быть. Это ненормальное явление. А если это происходит, значит, им нужно поменяться местами: Задорнов должен быть актером. И работать на эстраде.

Как бы замечательно я ни относился к Хазанову, но сегодня он только на пути к лидерству. А Райкин был лидер. Ярко выраженный. От него вели отсчет.

Людей, которые на сегодняшний день могли бы сделать что-то серьезное в юмористике, я пока не вижу. Никогда. Всем некогда. Все заражены получением сиюминутного эффекта. Успеха, денег... Это чрезвычайно заразная штука. Набраться сил и сказать: «Все. Basta. Я начал размышлять» — сложно. Кому ни позвонишь — никого нет в Москве... Я не говорю, что я другой. Я тоже подвержен тому, но, смею вас заверить, в меньшей степени. Особенно сейчас. Я вообще думаю, что скоро свою выступительскую деятельность сведу на нет. И, как говорят футболисты, повешу бутсы на гвоздь. Потому что, когда выходишь на эстраду, чувствуешь себя обязанным в силу каких-то невероятных обстоятельств что-то «бахнуть». И зритель ничего не хочет другого. У него тоже нет времени, он хочет сразу все получить.

Зрителям некогда, актерам некогда... И актеры, в первую очередь наши ведущие, популярные актеры, хотят сразу, любой ценой получить быстрый ответ от зрительного зала. А-а — закатились в смехе, зааплодировали! Но ведь бурная реакция сейчас не на изысканную шутку, не на находку, а только на прямую, лобовую социальную атаку. Это еще объясняется переходностью мо-

СМЕХАЧА

мента, и многолетней глухотой, и запретом на все. Поэтому сейчас все выплескивается любыми средствами, правыми и неправыми. Ведь нынче на эстраде намеком не отделаешься. Раньше можно было намекнуть. И в этом, кстати, было искусство.

— То есть, годы застоя в какой-то степени стилизировали искусство?

— Как ни странно. Запреты заставляли крутиться. Приходилось находить форму, закладывать второй план, чтобы все-таки что-то донести. А сейчас, чтобы привлечь интерес зрителя, приходится просто... ну, практически анекдоты сочинять, сажать откровенную «лобятину». Или уходить, в силу того, что все дозволено, в сторону скабрзности. Потому что принято считать, что на эстраде «смех» и «успех» — синонимы. Вот это желание во что бы то ни стало рассмешить, развило дикий паразитизм. Актер перестал интересоваться текстом как литературным материалом, автор, который овладел техникой, тем более не заинтересован в том, чтобы это было еще и изящно написано. Ему не нужно это. Он спешит от одной репризы к другой, от одной шутки к другой, он уже между шутками вставляет любые слова — скорее, скорее, только заполнить пространство, чтобы снова иметь очередной смеховой удар. И это приводит его к деградации как литератора. В результате возник абсолютно новый жанр, лишенный литературной основы, а только эксплуатирующий человеческий мозг на остроумие. И сейчас все это называется сатирической литературой.

— И все же, что привело к тому, что вы перестали заниматься эстрадой?

— Я, как мне кажется, исчерпал здесь возможность самовыражения. И мне стало неинтересно. И потом, как человек честолюбивый, я чувствую, что в этом состязании в остроумии я не могу победить. Более того — не хочу победить. Поэтому и выхожу из игры.

— А кто вы на сегодняшний день?

— Я не знаю, кто я на сегодняшний день, кто на вчерашний, и на завтрашний. Я для себя это не определяю. И, видимо, не мое это дело. Пишу. И буду писать. Это я знаю точно.

— Существуют ли ныне сложности с публикацией? Есть ли проблемы с цензурой?

— С цензурой, может быть, и нет. А другие моменты есть. Проблема публикации для нормально пишущего человека всегда была сложной. Независимо от цензуры. Несовершенство издательского процесса, отсутствие полиграфических мощностей, вечное отсутствие бумаги. Наличие функционеров, которые в первую очередь толкают свои «киричи». Коррупция, по-прежнему существующая, групповщина...

— Но книги ваши выходят?

— Последняя книга вышла у меня в 1984 году в издательстве «Советский писатель», состоящая из новелл. Видимо, следующая будет в 1991 году. Раз в семь лет... Можно подсчитать, сколько мне осталось выпустить книг.

— А напечатан ли рассказ «Сон смехача»?

— Нет. Не напечатан.

— Но почему?

— Спросите что-нибудь полегче.

«А мы все идем, идем, идем...»

Наталья ЛОГИНОВА.